

A detailed historical world map, likely from the 17th century, featuring a circular projection. The map shows continents like Groenlandia, Spittbergen, and various islands. A white rectangular box is centered over the map, containing the author's name and the title. The map's title, 'Nova Totius Terrarum Orbis Tabula', is visible at the bottom center, surrounded by a laurel wreath. The map is decorated with illustrations of figures and ships at the bottom.

Вячеслав Губанов

Вестники новой
ЭПОХИ

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelodami

16+

Вячеслав Губанов

Вестники новой эпохи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Губанов В. М.

Вестники новой эпохи / В. М. Губанов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Тоталитарная система развитого социализма крепка, как никогда... И вдруг сквозь несокрушимый монолит начинает пробиваться легкий сквознячок, говорящий о том, что система утратила свою несокрушимость и неизбежно рухнет... И первыми этот сквознячок улавливают дети. Они могут буквально из воздуха делать деньги; они не желают мириться с вечным дефицитом, вопреки покорности их родителей; они бунтуют против жёстких правил, подчиняться которым привыкли их родители; они уже с первого класса живо интересуются сексуальными отношениями, ставя в тупик родителей, для которых покупка презервативов в аптеке является страшным позором.

Содержание

Предисловие	5
Подарок из Европы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вячеслав Губанов

Вестники новой эпохи

Предисловие

«Устами младенца глаголет истина»... Как давно это было сказано... И как давно эти слова доказывают свою справедливость и актуальность. Казалось бы, тоталитарная система развитого социализма крепка, как никогда, и государство всё делает для воспитания только дисциплинированных, преданных Коммунистической Партии членов общества, которые, начиная со школьной скамьи и до зрелого возраста, проходят все стадии этого воспитания: октябрята, пионеры, комсомольцы и, наконец, члены Партии. И вдруг сквозь несокрушимый монолит тоталитарной системы начал пробиваться легкий сквознячок, говорящий о том, что система утратила свою прочность и несокрушимость, что она неизбежно рухнет, и на её руинах будет заложен фундамент нового общества на новых принципах. И первыми этот сквознячок уловили дети. Они могли буквально из воздуха делать деньги, которые для их родителей были под запретом; они не желали мириться с вечным дефицитом, вопреки покорности их родителей; они бунтовали против жёстких правил, подчиняться которым привыкли их родители; они уже с первого класса начинали живо интересоваться сексуальными отношениями, ставя в тупик родителей, воспитанных чуть ли не в пуританской строгости, для которых покупка презервативов в аптеке была страшным позором. Это были раннеперестроечные времена, и тогда никому не приходило в голову, что именно этим детям предстояло создавать новое общество, в котором кому-то суждено было стать демократом, кому-то – олигархом, кому-то – политиком, а кому-то – президентом.

А способны ли мы понять, о чём хотят сказать своим поведением наши дети?

Подарок из Европы

Ты ли это, капризное, но искреннее дитя? эта шалунья, резвушка? Как скоро выучилась она притворяться? как быстро развились в ней женские инстинкты! Ужели милые капризы были зародышами лицемерия, хитрости?

И.Гончаров. Обыкновенная история

Никто из родителей не ставит своей целью воспитать преступника. Но все родители, даже те, которые не прикладывают к этому никаких усилий, хотят, чтобы их дети были самыми-самыми... Так рождаются иллюзии.

Молоденькой учительнице истории Алёне Петровне всё это ещё предстояло узнать. Она начала преподавать в школе №*** после окончания Ленинградского Государственного университета и сразу попала в водоворот событий и страстей школьной жизни. Ей очень хотелось воспитать из своих учеников достойных членов общества, но, вопреки стараниям Алёны Петровны, происходили неприятные истории, омрачавшие начало её педагогической деятельности.

В школе соблюдался строгий порядок: учитель, ведущий последний урок в классе, должен был сопровождать учеников в гардероб и присутствовать там, пока не уйдёт последний ребёнок. Гардероб представлял собой большое проходное помещение, по своим размерам похожее на спортивный зал. Одна его стена не использовалась, потому что в ней были огромные окна, а у другой стены, перпендикулярно ей, стояли вешалки, вешалки, вешалки... Учитель заводил учеников с одной стороны, а провожала их гардеробщица уже через противоположную дверь. Номерков не было, потому что осуществить за ними контроль было невозможно. Следили, в основном, за тем, чтобы дети не баловались и не бросались шапками.

В один из зимних дней к Алёне Петровне, сопровождавшей 7-А класс в гардероб, подошла расстроенная Яна Тулина:

– Алёна Петровна, я не нашла свой мешок с обувью.

Яна была удивительная девочка – полненькая, крепко сбитая, смуглая и черноволосая, с ярким румянцем и ямочками на щеках – очень привлекательная девочка–подросток. От неё так и веяло здоровьем и доброжелательностью. Семья Тулиных считалась в школе благополучной, с хорошим материальным достатком: мама работала в НИИ, папа ходил боцманом в заграничные плавания – оба красивые, видные, доброжелательные. Когда Яна пошла в 1-й класс, у них родилась двойня – мальчик Игорь и девочка Женя – и их семья стала многодетной.

Алёна Петровна уже из собственного опыта знала, что дети склонны паниковать даже тогда, когда для этого нет оснований: ребенок мог заявить, что у него пропали сапоги, а когда ему показывали его мешок с обувью, он мог смотреть на него и утверждать, что это чужой мешок.

Именно такая история и произошла недавно. Прозвенел звонок с последнего урока, и гардероб стал похож на муравейник. Наконец, вся эта суета, баловство и гам прекратились, и в школе снова воцарилась тишина. Гардеробщица Анна Яковлевна осмотрела свои владения и увидела, что на вешалке остались ещё несколько пальто и мешков с обувью. Через полчаса в гардероб зашла семиклассница Наташа Волкова.

– Наташа, а ты почему задержалась? – спросила гардеробщица. – Все ваши ребята уже ушли.

– Нет, не все. В классе ещё двое. Нас классная руководительница оставила, мы готовимся к празднику.

– А-а, понятно, – сказала гардеробщица, открывая дверь. – Я и смотрю, что ещё есть куртки на вешалках.

Наташа сняла с вешалки свою куртку и вдруг спросила растерянно:

– Ой, а где мой мешок?

– Так вот же он, на твоей же вешалке! – сказала гардеробщица, стоявшая рядом.

– Это не мой мешок! – уверенно сказала Наташа.

– Да ты посмотри, что за обувь в мешке. Наверняка, твоя.

Наташа двумя пальчиками брезгливо взяла края мешка, наморщила носик и заглянула в мешок.

– Сапоги похожи, но это – не моё! – произнесла она, выделив слово «это», как что-то отвратительное.

– Ну, если сапоги похожи на твои, открой мешок, достань их и посмотри внимательно – в том числе и размер.

– Нет, «это» не моё! – мотала головой Наташа, внимательно разглядывая другие вешалки.

– Наташа, я тебя прошу, померяй сапоги! – с нажимом сказала гардеробщица, и девочка нехотя подчинилась. Утирая уже появившиеся слезы, Наташа вытащила из мешка сапоги и одела их. Это был в точности ее размер.

– Ну вот, видишь? Твои это сапоги, – обрадовалась гардеробщица.

– Похожи, как раз по ноге... Но не мои... Да и мешок у меня был другой... Такой же, только черный с золотыми буквами, – с любовью сказала Наташа, а потом добавила с отвращением: – А этот сиреневый какой-то!

– Так, может, у кого-нибудь такие же сапоги, поэтому случайно взяли твой мешок? – предположила гардеробщица, но тут же отказалась от своих слов: – Да нет, это мистика какая-то! Так не может быть. Ты же рядом живешь, позвони домой, может кто-нибудь есть дома.

– Мама дома... Но я боюсь, что она будет ругать.

– Давай мне номер, я сама из канцелярии позвоню, – предложила гардеробщица, и Наташа согласилась.

Трубку взяла мама Наташи, и гардеробщица объяснила ей, что произошло:

– Вы знаете, мешок есть, сапоги похожи и размер подходит. Всё висит на её вешалке, но она говорит, что у неё был чёрный мешок, а этот сиреневый...

– Она что, дура? – закричала в трубку мама. – Без глаз совсем! Порвался её чёрный мешок, обувь уже вываливалась из него. Я это увидела, когда она уже собиралась выходить, остановила, нашла ей новый мешок, сиреневый, и при ней тут же всё переложила и дала ей в руки. Какая ей разница, чёрный он или сиреневый? Ну, она у меня дома получит!

Гардеробщица вернулась к Наташе и спросила у нее:

– Наташа, мама сказала, что она утром при тебе поменяла мешок, потому что твой чёрный был с дыркой, из которой вываливалась обувь. Ты это помнишь?

Наташа удивленно посмотрела на гардеробщицу широко открытыми глазами и сказала:

– У нас на первом уроке контрольная по математике была...

Но Яна, в отличие от Наташи, была очень внимательной и деликатной девочкой, и с ней подобных недоразумений не могло быть. Так её воспитывали родители, по таким законам жила её семья, и Алёна Петровна знала, что Яна не один раз всё проверила, прежде чем обратиться к учительнице.

– Яночка, ты хорошо посмотрела? Давай вместе поищем, может быть кто-то перевесил на другой крючок. Какой у тебя был мешок?

И Яна терпеливо прошла вместе с Алёной Петровной по всем углам и вешалкам. Безрезультатно.

– Опиши мне свою обувь. Какие у тебя были сапоги? – попросила Алёна Петровна.

– Белые.

– Я что-то не помню у тебя таких сапог.

– А я их только сегодня в первый раз надела. Папа на днях пришёл из рейса, привёз мне подарок из Европы.

– Понятно... – сокрушенно сказала Алёна Петровна.

Делать было нечего. Хотя и жила Яна рядом со школой, но не пойдешь же в январе по улице в тапочках! Алёна Петровна отвела Яну в учительскую, откуда Яна позвонила домой, и на её счастье дома оказалась мама – Марина Викторовна. Вскоре она принесла Яне обувь.

– Я чувствовала, Алёна Петровна, что так произойдёт! – сказала Марина Викторовна. – Знаете, сапожки импортные, очень красивые – просто изумительные! Я посоветовала Яне не надевать их в школу, чтобы ни у кого не провоцировать зависть. Дети есть дети! Вдруг кто-нибудь не справится с собой... Мне даже жалко ту девочку, которая это сделала.

Алёну Петровну немало удивила такая реакция женщины, дочь которой только что обговорили в школе. Родители в подобной ситуации имеют право быть требовательными, настаивая на компенсации.

– Может быть, напишете заявление директору? – спросила Алёна Петровна, стараясь исполнить свой учительский долг до конца.

– Да нет, не буду. Вы о пропаже знаете, а ребятам Яна сама завтра скажет, чтобы были внимательнее. Найдутся сапожки – хорошо, а если нет – что тут поделаешь? Будет и ей тоже наука. Папа наш, конечно, расстроится не меньше Яны, – с грустной улыбкой закончила Марина Викторовна.

Алёна Петровна, потрясённая случившимся, очень хотела помочь Яне найти сапожки, и через два дня её усилия дали результат. Гардеробщице Анне Яковлевне кто-то сказал, что это сделала Вика Мерзликина, которая училась в 6-м классе, и Анна Яковлевна, в свою очередь, доложила об этом Алёне Петровне. Но Алёна Петровна засомневалась: Яна была семиклассницей, к тому же довольно крупной девочкой, поэтому Вике, фигура которой была гораздо миниатюрнее, сапоги должны быть явно велики. Может быть, кто-то по-детски оговорил Вику? Алёна Петровна не знала, как ей быть в этой ситуации, но, пока она боролась со своими сомнениями, всё разрешилось без её участия. В выходной день Яна, возвращаясь с мамой из магазина, встретила Вику и увидела на ней свои сапожки. Видно было, что они ей велики, но Вику это несколько не смущало: она шла по улице и явно хвасталась своей обновкой. Встреча с Яной и её мамой оказалась для Вики совершенно неожиданной, но она ничуть не растерялась.

– Это мои сапоги, мне мама купила! – уверенно ответила она на вопрос о сапогах.

– Да-а? И где же продаются такие сапоги? – удивлённо спросила Марина Викторовна.

– Даже не знаю... У мамы надо спросить.

– Очень интересно!.. Хорошо, давай спросим у твоей мамы, где она купила такие сапоги, – предложила Марина Викторовна.

– А её нет дома! Она на работе.

– Пойдём, пойдём – мы тебя проводим. Мало ли: может быть, мама случайно окажется дома... – настояла Марина Викторовна, и они втроём пошли к Вике домой.

Дверь им открыла Викина мама. Когда Марина Викторовна объяснила ситуацию, она неожиданно закричала:

– Что? Мы украли ваши сапоги?

– Нет, конечно... Не украли... Вика, наверное, соблазнилась, – Марина Викторовна старалась говорить как можно деликатнее.

– Соблазнилась, да? Стоите тут, красивые, холенные. Вы знаете, что у нас многодетная семья? У меня трое детей. Я вкалываю день и ночь, а вы со своими вонючими сапогами! Им, видите ли, сапог жалко!

– У меня тоже многодетная семья: трое детей, как у Вас. С детьми всякое может случиться. На то мы и родители, чтобы помочь детям, – опешила Марина Викторовна.

К этому времени Вика уже вошла в квартиру, сняла сапоги и наблюдала за развитием событий из-за спины матери.

– Ах, вы тоже многодетная семья? Что-то не похоже! Натё вам ваши сапоги, подавитесь!

С этими словами Викина мама схватила сапоги, швырнула их на лестничную площадку и захлопнула дверь квартиры.

Яна и Марина Викторовна стояли в оцепенении, а из квартиры доносился голос Вики, которая успокаивала мать, все ещё продолжавшую бушевать:

– Ладно, хватит, мам... Ну, успокойся... Пусть подавятся своими сапогами... правда ведь?

Это происшествие оставило у всех в школе неприятный осадок, но развивать ситуацию дальше не стали: учителя понимали причину произошедшего, старались много не обсуждать эту историю, и она стала постепенно забываться.

Месяц спустя Алёна Петровна снова проводила последний урок в 7-А классе, после которого, как положено, проводила учеников в гардероб. Когда почти все дети оделись, к ней подошла Лена Панова. Увидев расстроенное лицо девочки, Алёна Петровна спросила:

– Что случилось, Лена?

– Моей куртки нет, – ответила девочка с полными от слёз глазами.

– Боже мой, да что же это такое? Что за наваждение? Только с Яной разобрались, теперь вот у тебя куртка пропала! – взмолилась Алёна Петровна, своими словами невольно упрекая девочку, потому что Лена тоже была из благополучной семьи с хорошим материальным достатком и возможностью «доставать» красивые импортные вещи. После истории с пропажей сапог Алёна Петровна очень деликатно намекала родителям своих учеников, что им надо скромнее одевать детей в школу: для того и придумана школьная форма, чтобы у детей не было повода подчеркнуть разницу в материальном достатке родителей. Ведь не скажешь откровенно, что не надо давать детям в школу красивые, дорогие вещи, потому что их могут украсть! Как-то язык не поворачивается, потому что родители, в свою очередь, могут спросить: «А куда смотрит администрация школы? А чем занимается комсомольская организация? Так что же, это у вас пионеры воруют вещи? Или октябрята?» И вот теперь ей, видимо, придётся выслушивать подобные вопросы, потому что вторая крупная пропажа в школе, тем более в её классе, – это неслыханно! Кроме того, необычность этой пропажи (Алёна Петровна уже не сомневалась, что это пропажа) придавало то, что Лена была подругой Яны, месяц назад пострадавшей от кражи. Обе они рослые, крупные девочки, но Лена несколько полнее Яны, у неё голубые глаза, длинные, вьющиеся русые волосы, полные губы, и вся она своей медлительностью и флегматичностью производила впечатление пухлого домашнего пончика. Но это было внешнее впечатление, училась она хорошо, была обязательной и исполнительницей ученицей. И вдруг такая беда...

Алёна Петровна совершенно растерялась. Анна Яковлевна тоже была очень расстроена случившимся и оправдывалась перед Алёной Петровной:

– Я же всё время на месте, никуда не отхожу! Господи, что же это за напасть такая?

Алёне Петровне пришлось успокаивать не только Лену, но и «бабулю», как все уважительно называли Анну Яковлевну, потому что искренне любили её за то, что она ко всем ученикам относилась с любовью, словно это были её собственные дети, хотя её дети и внуки давно выросли.

Куртка так и не нашлась, и Алёна Петровна, как и в случае с Яной, повела Лену в учительскую, чтобы та позвонила домой и попросила принести одежду. Вскоре пришла старшая сестра Лены – молодая женщина лет тридцати, такая же высокая и полная, как Лена, – и принесла ей пальто. Она не стала разбираться с младшей сестрой, а лишь многозначительно сказала:

– Объясняться будешь с родителями!

– А я-то тут при чём? – удивлённо спросила Лена.

– При том! – сухо ответила сестра, и Лена, не найдя в ней поддержки, ушла из школы в подавленном состоянии.

Всю следующую неделю в школе ни о чём другом, кроме как о пропавшей куртке, не говорили. В расследовании, так или иначе, принимали участие все. Даже ребята из других классов, которые приходили в кабинет Алёны Петровны на урок истории, непременно считали своим долгом спросить:

– Алёна Петровна, нашлась куртка? – и обязательно что-нибудь советовали или сообщали «полезную» информацию.

Детектив, да и только! Несмотря на поддержку всей школы, Алёна Петровна была уверена в том, что куртка вряд ли найдется, и её логика была проста: из-за того, что нашлись сапоги Яны, куртка Лены теперь не найдется никогда, потому что двум удачам не бывать. Вот так и думала: двум удачам не бывать!

Но через неделю ей сообщили, что «одна девочка» видела на автобусной остановке Свету Баранову из 6-го класса в красной куртке, по описанию очень похожей на куртку Лены. Народу на остановке было мало, поэтому видевшая Свету девочка, которая ехала в автобусе, очень хорошо её разглядела. Света, видимо, кого-то ждала, потому что не села в автобус, а когда он тронулся, то у этой девочки, имя которой местные детективы решили не разглашать, пока идет следствие, к счастью, мелькнула мысль, что она раньше не видела у Светы такой красивой куртки, которая, к тому же, была явно ей велика.

Алёна Петровна сразу пошла к Валентине Ивановне, классной руководительнице Светы Барановой, и рассказала ей всё, что узнала. Слушая рассказ Алёны Петровны, Валентина Ивановна кивала головой, как и подобает учителю со стажем, слушающему ответ ученицы, потому что сейчас молодая учительница Алёна Петровна всем своим растерянным видом напоминала ей школьницу. Но уже в середине рассказа Алёны Петровны взгляд Валентины Ивановны стал более задумчивым, выдавая появившуюся у неё мысль, и когда Алёна Петровна закончила, она сказала:

– Знаешь, Алёна, я не думаю, что это сделала Света. От неё можно ожидать только какого-нибудь недомыслия... Но чтобы она взяла чужую вещь – не поверю! Для этого нужно иметь сильный характер, а я за ней этого не замечала. Нет, она довольно глупенькая, но добрая девочка...

– Вот и я не верю! – обрадовано подхватила Алёна Петровна, которая готова была смириться с пропажей куртки, лишь бы не подозревать человека, а тем более ребёнка, в краже. Она представила Свету – щуплую, бледную, с тонкими волосами добродушную девочку, и сама мысль о том, что она могла украсть, показалась ей дикой. – Я, конечно, не знаю Свету так хорошо, как Вы, но мне тоже кажется, что она не способна взять чужую вещь...

– Да подожди ты, не перебивай! – остановила её Валентина Ивановна, которой, похоже, восторженная болтовня Алёны Петровны мешала о чём-то думать. Интересная история! Интересная... Я точно знаю, что у Светы такой куртки нет... Зато у неё есть подруга Катя Демченко. А вот Катя Демченко... Катя Демченко – это не Света Баранова!

– А при чём здесь Катя? – удивилась Алёна Петровна. Ей нравилась эта активная, сообразительная девочка, хотя, к сожалению, её активность и сообразительность никак не относились к учёбе. Но она всегда была готова помочь другим, и это её качество подкупало Алёну Петровну. Особенно бросалась в глаза красота Кати. Она была среднего роста, стройная, с вьющимися каштановыми волосами, а на её личике красивой овальной формы выделялись огромные голубые глаза и яркие, упругие губки, уже в детском возрасте подающие серьёзную заявку на чувственность их обладательницы.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво произнесла Валентина Ивановна, и вдруг решительно закончила: – Но надо проверить! Пойдем со мной, но только ни во что не вмешивайся, очень тебя прошу!

Валентина Ивановна стремительно прошла в кабинет литературы и попросила учительницу отпустить Свету с урока. Девочка была в недоумении: ведь она только что, на перемене, видела свою классную руководительницу, – но испуга на её удивленном лице не было.

– Света, пойдем со мной, – сказала Валентина Ивановна и повела Свету и Алёну Петровну в кабинет, который был закреплен за ней – учителем географии. Едва они вошли в кабинет, как она спросила у Светы напрямую, стараясь быть не слишком резкой из опасения напугать девочку, но и не слишком ласковой:

– Света! Тебя видели в красной куртке. Это твоя куртка?

– Не-а! – простодушно ответила Света, и весь её вид говорил о том, что она не собирается ничего утаивать от учителей.

– А чья?

– Каткина.

– Ты имеешь в виду Катю Демченко? – уточнила Валентина Ивановна. – Я правильно тебя понимаю?

– Ага, – радостно закивала головой Света при упоминании подруги.

– Так, Светик-цветочек! – обрадовалась Валентина Ивановна. – Я тебе вопросы задавать не буду, а вот тебе лист бумаги, вот ручка: садись и пиши всё по порядку.

– А что писать? – удивилась Света, вытаращив свои маленькие глазки.

– А написать надо о том, как ты оказалась на автобусной остановке в чужой куртке.

– А-а-а, – с облегчением сказала Света, поняв, наконец, чего от неё хотят. – Хорошо, напишу.

Она села писать, а обе учительницы украдкой наблюдали за ней. Было видно, что девочка не чувствует своей вины и абсолютно спокойна. Когда она закончила писать, Валентина Ивановна и Алёна Петровна прочитали её объяснительную записку, и им стало понятно, как Света оказалась на остановке в чужой куртке.

После уроков Света и Катя договорились пойти погулять. Катя попросила Свету зайти за ней домой, а когда та пришла, неожиданно спросила:

– Слушай, Света! А знаешь что?

– Что? – спросила Света, которая привыкла к постоянным интересным выдумкам своей подруги.

– Мне мама куртку новую купила! – похвасталась Катя и, пристально посмотрев на Свету, словно оценивая, вдруг предложила: – Хочешь примерить?

– Конечно, давай! – обрадовалась Света, которая расценила это предложение как признак верной дружбы.

Она надела куртку и посмотрела на себя в зеркало. Куртка была импортная – яркая, нарядная – в ленинградских магазинах таких не было, и, хоть она была явно великовата Свете, невзрачная девочка стала выглядеть в ней гораздо привлекательнее: красный цвет явно был ей к лицу. Она вертелась перед зеркалом, Катя смотрела на неё с восхищением и вдруг окончательно удивила подругу:

– А хочешь поносить сегодня мою куртку?

– А мама твоя не будет ругаться? – с сомнением спросила Света, которая, конечно же, хотела поносить куртку своей необыкновенно щедрой подруги – самой лучшей подруги в мире!

– А её нет дома. Она будет поздно, – спокойно ответила Катя, которая, похоже, не понимала, какая она чудесная и добрая.

– А ты что наденешь? – на всякий случай спросила Света.

– Твою куртку, если ты не возражаешь.

– Ой, конечно, не возражаю! – взвизгнула Света, подпрыгнув на месте: сегодня Катя была настоящей волшебницей!

– Только, знаешь, что? – задумчиво сказала Катя. – Давай сделаем так: ты иди сейчас к себе домой, а через час встретимся недалеко от магазина, на автобусной остановке. Ладно?

– А почему так? – удивилась Света, ей очень не хотелось расставаться с подругой.

– Ну-у, мне нужно ещё кое-что сделать, – загадочно ответила Катя.

– Так давай я тебя здесь подожду, – предложила Света.

– Нет-нет, иди домой, а через час мы встретимся. Ты мою бабушку знаешь, она всё маме рассказывает про то, как долго у меня в комнате сидят подруги, – таинственно зашептала Катя и посмотрела на дверь, ведущую в комнату бабушки.

– Ну, ладно, – с сожалением согласилась Света и ушла домой. Сегодня она готова была сделать всё, о чём просила Катя.

Через час, как договорились, Света уже была на остановке, прождала Катю почти час, но подруга так и не пришла. Света не знала, что делать, но, поскольку она была в Катиной куртке, решила, что нужно идти к ней домой. Она нажала кнопку звонка, и, к её удивлению, дверь открыла мама Кати. Но тут же появилась и сама Катя:

– Мама, мама! Света сейчас уйдет, она на минутку! Ей только спросить! – быстро заговорила она прежде, чем мать успела открыть рот, затолкала Свету в свою комнату, закрыла дверь и виновато сказала подруге: – Извини, мама неожиданно пришла, и всё сломалось. Потом погуляем.

– А мама у тебя ничего, про куртку даже не спросила! – с восхищением сказала Света.

– Да она просто не обратила внимания, – ответила Катя, и в её голосе Света почувствовала обиду. – Она вообще меня не замечает! Ладно, давай, снимай быстро!

Света надела свою куртку и тут же ушла.

На том её объяснительная записка закончилась.

– Так, всё ясно! – подвела итог Валентина Ивановна, и посмотрела на часы. – Алёна Петровна, вы со Светой оставайтесь здесь, а я сейчас вернусь.

И она быстро вышла из кабинета.

Алёна Петровна уже поняла причину этой поспешности: надо было успеть перехватить до конца урока Катю, которая видела, как забрали с урока её подругу. И точно: через минуту Валентина Ивановна уже входила в кабинет с Катей Демченко.

– Катя! Только что Света написала нам объяснительную записку по поводу того, как она оказалась на улице в чужой куртке. Там есть упоминание о тебе. Теперь я хочу, чтобы ты тоже взяла ручку и лист бумаги и написала свою версию, – обратилась она к Кате, которая вела себя совсем не так, как Света. Нет, в ней не чувствовалось страха, она не была напугана, но её красивые голубые глаза смотрели на учителей внимательно и настороженно.

– А можно посмотреть, что написала Света? – вкрадчиво спросила Катя.

– Нет, нельзя! – отрезала Валентина Ивановна.

– А почему? – быстро спросила Катя, словно уже заранее знала, что ей откажут, и держала наготове этот вопрос. Она задала этот вопрос таким требовательным тоном, что Алёна Петровна поняла: если бы следствие вела она, то непременно почувствовала себя виноватой перед этим ребёнком. Но Валентина Ивановна вела себя иначе.

– Игра у нас такая: сначала пишем, потом будем читать, – твердо, но доброжелательно ответила она, деликатно напоминая всем действующим лицам правила игры: кто здесь дети, а кто взрослые, кто может задавать вопросы, а кто может пока лишь отвечать на них.

Катя взяла бумагу и ручку и, вопросительно уставившись на Свету, сидящую за партой, направилась к ней, но Валентина Ивановна ее остановила:

– Катя, Катя, не сюда! Вон туда! Там тебе будет удобнее, никто мешать не будет! – и она показала рукой на дверь, ведущую в лаборантскую комнату: у географов всегда было много учебных пособий, поэтому кабинет географии имел дополнительную комнату для хранения этих пособий.

Катя поджала губы и нехотя пошла в лаборантскую. Через полчаса Валентина Ивановна и Алёна Петровна читали её объяснительную записку. Версия Кати оказалась гениально простой и короткой.

Созвонилась со Светой, решили погулять, договорились встретиться через час после разговора на остановке. Тут пришла мама и никуда не отпустила. Катя очень сильно переживала, но предупредить Свету не могла. Когда Света пришла к ней домой, Катя ей всё объяснила, извинилась и выпроводила, чтобы не попало от мамы. Во что была одета Света, Катя помнит смутно. На ней была какая-то куртка, может быть и красная, но Катя была так напугана приходом мамы, так боялась, что мама будет её ругать, что ни о чем другом не думала.

Валентина Ивановна сказала:

– Девочки, кто-то из вас написал неправду, и я даже догадываюсь, кто.

С этими словами она вернула Катю в лаборантскую и заперла дверь, Свету оставила в кабинете, вышла вместе с недоумевающей Алёной Петровной в коридор и заперла дверь в кабинет. Алёна Петровна, наблюдая за действиями Валентины Ивановны, не выдержала и робко сказала:

– Валентина Ивановна, методы у нас какие-то очень уж взрослые... Мы же всё-таки имеем дело с детьми...

– Я знаю, – спокойно ответила Валентина Ивановна. – Но объясню потом, почему так делаю. Сейчас просто нет времени. Где Лена Панова?

– Она на уроке английского языка.

– Хорошо. Иди за Леной, встретимся на улице, – сказала она Алёне Петровне, а сама оделась и переговорила по телефону с Катиной бабушкой, с которой была хорошо знакома, потому что уже бывала в их семье. Она сказала бабушке, что сейчас придёт к ним домой, но о чем будет разговор, не сообщила.

Когда Валентина Ивановна вышла на улицу, Лена, которая ждала её вместе с Алёной Петровной, спросила:

– Валентина Ивановна, а куда мы так спешим?

– Куртку свою опознавать будешь!

Дверь открыла бабушка и, увидев классную руководительницу своей внучки, пригласила их войти. В прихожей на вешалке висела красная куртка. Валентина Ивановна вопросительно посмотрела на Лену, и та молча кивнула головой.

– Скажите, вот эта куртка – чья она? – спросила Валентина Ивановна у бабушки.

– А я знаю? Висит уже больше недели. Катя говорит, что она, вроде бы, с какой-то девочкой поменялась. А точно не знаю, врать не буду.

– Как же так? – укоризненно сказала Валентина Ивановна. – Вы же видите, что это новая импортная куртка. Она висит у Вас в прихожей больше недели, и Вы не выясняете, что это за куртка?

Бабушка сразу всплакнула и пригласила их в свою комнату. Сквозь слезы она стала рассказывать, как ей тяжело живётся у дочери, которой она посвятила всю свою жизнь. И Катя её не слушается, грубит, поэтому она старается не показываться из своей комнаты, когда кто-нибудь из членов семьи дома.

– Вот так и живу затворницей... Дочка привела в квартиру какого-то мужчину, он живет у нас уже почти год, но зарегистрировать брак не предлагает... Катя совсем от рук отбилась...

Я всё это вижу, а начинаю говорить – мне сразу «закрывают рот», – говорила, всхлипывая, бабушка.

Вдруг она перестала всхлипывать и испуганно посмотрела на дверь. Гости тоже обернулись и увидели молодую красивую женщину – Катину маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.